

UNITED WISDOM

Ибн Араби: единство бытия и многообразие проявлений

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W35 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Ибн Араби: единство бытия и многообразие проявлений

> *«Сердце моё может принять любую форму.»*
>
> *Ибн Араби, Tarjumān al-ashwāq, стихотворение 11; английский перевод Michael A. Sells. Русский перевод автора статьи с английского.*

О чём эта статья

Ибн Араби исследует связь конечных существ с безусловным основанием, не предлагая нам стереть их различия одним словом «единство». Его тексты соединяют исламское откровение, метафизику и духовную дисциплину. В этой статье мы разберём, почему выражение «вахдат аль-вуджуд» стало названием его мысли позднее, чем появились сами сочинения, и почему зависимость существования не означает фиктивность мира. Затем обратимся к божественным именам, восприимчивости сердца и поэтическому языку любви: каждому из этих сюжетов нужны свои условия чтения. Сопоставление с Фомой Аквинским, Спинозой и буддийской суттой поможет увидеть разные ответы на сходные вопросы, сохранив их несогласие. Современные сцены и практические вопросы здесь — наши аналитические применения, а не наставления, восстановленные из биографии мыслителя. Они не доказывают его метафизику. Однако позволяют проверить, не превращаем ли мы слова о связи в оправдание невнимания к конкретному человеку.

I. Название, появившееся после мысли

Название учения влияет на то, какие вопросы мы ему задаём. Выражение «вахдат аль-вуджуд», обычно переводимое как «единство бытия», выглядит готовым заголовком системы Ибн Араби. Но историческая последовательность сложнее. Бакри Аладдин в исследовании термина и доктрины показывает, что это обозначение стало предметом позднейших споров; его нельзя без оговорки представить собственным названием учения автора. Выражение встречалось у разных мыслителей, а закрепление за определённой позицией сопровождалось полемикой.

«Если всё связано, почему вы всё время поправляете мои слова?» — спрашивает один собеседник другого в условном разговоре. Ответ мог бы быть таким: связь не делает слова взаимозаменяемыми. Вода нужна дереву, но вода не дерево. Любовь связывает людей, но не превращает их в одного человека. Даже самое сильное утверждение о единстве требует объяснить, что именно объединено и какие различия сохраняются.

Ибн Араби оказывается интересен именно здесь. Его часто приглашают в разговор короткой формулой «всё есть Бог», после которой рассматривать его уже незачем. Однако такая формула скорее закрывает дверь, чем открывает её. За ней исчезают разные смыслы бытия, зависимость творения, язык проявления, дисциплина познания и спор о том, как человеческое понимание ограничивает то, что пытается понять.

Поэтому важно различать написанное человеком, систематизацию учеников и ярлык противников. Они могут касаться одной мысли, но выполняют разные действия. Автор разворачивает рассуждение; ученик организует его для преподавания; оппонент выделяет опасное, на его взгляд, следствие. Если начать с последнего, читатель незаметно примет обвинение за нейтральное описание.

В современном разговоре это легко увидеть на условном примере. Исследователь пишет, что человеческие решения зависят от воспитания и обстоятельств. Другой человек пересказывает: «Он считает, что ответственности не существует». Третий уже обсуждает «теорию безответственности». Исходное различение исчезло, хотя ни одна следующая реплика не выглядела очевидным вымыслом: каждая немного усилила предыдущую.

Такая история не доказывает правоту Ибн Араби. Она меняет порядок проверки. Сначала нужно понять, что утверждается о Боге и творении, затем — какие возражения следуют из этого утверждения. Возможность защитить мысль от неточного ярлыка не означает невозможности критиковать её точно.

Даже перевод «единство» оставляет выбор. Речь может идти о единственном основании, о нераздельности целого, об одинаковой природе частей или о численном тождестве. Это разные утверждения. Если назвать их одним словом, спор окажется неразрешимым ещё до начала: участники станут отвечать на разные вопросы.

Историческая аккуратность здесь приносит простую пользу. Она позволяет не принимать скорость узнавания за глубину понимания. Мысль, которую можно быстро поместить в знакомую коробку, ещё не обязательно стала понятной.

II. Существовать — не значит существовать самостоятельно

Центральное различие касается самостоятельности бытия. Суад Хаким в исследовании единства бытия у Ибн Араби объясняет: безусловное бытие принадлежит Богу; существование творений рассматривается как зависимое, не принадлежащее им само по себе. Из этого не следует, что камня, дерева или человека просто нет. Меняется смысл того, что значит обладать существованием.

Зависимое существование не равно фиктивному. Условный концерт реален, хотя не существует без исполнителей, инструментов, помещения и времени. При этом концерт не тождествен ни одному из этих условий. Если назвать его «несамостоятельным», мы ещё не объявили музыку обманом. Мы лишь отказались считать событие замкнутой вещью, которая обеспечивает себя сама.

Эта бытовая аналогия помогает поставить вопрос, но не доказывает теологический ответ. У концерта известны наблюдаемые условия. Утверждение о Боге как основании всякого бытия относится к другой области — метафизике и религиозной мысли. Нельзя перескочить от примера зависимости к выводу, будто научное исследование уже подтвердило необходимое существование Бога.

Важен сам ход различения: «это существует» и «это существует благодаря себе» не одно и то же. В повседневной жизни мы часто незаметно соединяем эти предложения. Успешный человек действительно многое сделал, но отсюда не следует, что он сам создал язык, образование, здоровье, общество и возможность действовать. Признание условий не отменяет его труда; оно уточняет масштаб присвоения.

Можно возразить: если всё зависит от основания, зачем вообще говорить о существах? Именно потому, что зависимость не стирает их определённости. Вопрос «откуда существование?» отличается от вопроса «что за существо существует?». Первый направлен на основание, второй — на различия. Попытка ответить одним предложением на оба обычно превращает единство в грубое упрощение.

Для читателя остаётся возможность не принять религиозный ответ и всё же заметить силу вопроса. Сколько самостоятельности мы приписываем себе, вещам и привычным порядкам? Где это оправданно, а где мы перестаём видеть поддерживающие связи? Такая проверка начинается раньше любого согласия о природе высшей реальности.

При этом признание зависимости не объясняет её окончательно. Если назвать условием одного события другое событие, вопрос можно продолжить. Если же перейти к безусловному основанию, потребуется показать, почему дальнейший вопрос меняет смысл. Это уже философская работа, а не простое перечисление причин. Читатель имеет право спросить, не введено ли такое основание лишь ради остановки рассуждения. Серьёзное изложение обязано сохранить возражение, даже когда не решает его в пределах одной статьи. Иначе слово «безусловное» будет выполнять роль удобного запрета на следующий вопрос.

III. Проявление сохраняет вопрос о форме

Если основание едино, различия требуют объяснения, а не устранения. В переводе и разборе рассуждения Садр ад-Дина Кунави Уильям Читтик показывает, как ученик Ибн Араби связывает единое бытие с определённостями существ. Этот материал важен также исторически: перед нами развитие школы, а не ещё одна глава, якобы написанная самим Ибн Араби.

Слово «проявление» удобно, но опасно. Оно может создать впечатление театральной маски: будто существует один актёр, а различия полностью декоративны. Тогда боль, обязательство и чужой голос становятся частями спектакля, которым незачем придавать вес. Такое прочтение нужно обосновывать отдельно; оно не возникает автоматически из утверждения о зависимости мира.

Возьмём наш условный пример общего языка. Одни и те же слова позволяют двум людям говорить совершенно разные вещи. Общность языка делает разговор возможным, но не отменяет смысл сказанного. Фраза «мы используем один язык» не превращает просьбу в обещание, угрозу в заботу или согласие в отказ. Напротив, именно в общем пространстве различия получают значение.

У метафизики Ибн Араби иной предмет, однако аналогия показывает ошибку рассуждения. Общее основание и конкретная форма могут быть одновременно значимы. Из первого нельзя без промежуточного довода вывести неважность второго. Если человек видит связь всего существующего, от него требуется объяснить, что эта связь делает с различиями, а не просто объявить их преодолёнными.

Полезно различать и два смысла ограниченности. Форма ограничена, потому что определённа: дерево не море, просьба не приказ. Но форма может ограничивать наше понимание, когда мы принимаем её за исчерпывающее изображение реальности. Первое условие позволяет что-либо узнать; второе превращает знание в закрытую уверенность.

Поэтому внимание к проявлению не требует отказаться от точных названий. Оно требует помнить, что название выделяет определённый аспект. Человек может быть работником, другом, родителем и незнакомцем для разных людей. Это не доказывает религиозную метафизику, но показывает, почему одно верное описание способно стать неверным целым портретом.

Многообразие тогда перестаёт быть неприятной помехой единству. Оно становится тем, что единство должно объяснить, если хочет остаться содержательной мыслью.

IV. Имена помогают различать, но не дают владеть

Божественные имена в этой мысли позволяют говорить о проявлениях, не превращая человеческое понятие в исчерпывающее знание о Боге. В исследовании Читтика об Ибн Араби различаются неизвестная человеку божественная сущность и имена, через которые описываются отношения с миром. Имена милости, знания и другие определения не составляют перечня деталей, из которых можно собрать Бога.

Здесь возникает вопрос, важный и вне религиозного контекста: что именно делает имя? Оно может указать, пояснить, сохранить различие. Но оно также может создать чувство завершённости. После слов «это просто гордыня» человек иногда перестаёт слушать собеседника. После слов «это просто страх» он перестаёт исследовать ситуацию. Название будто разрешает не смотреть дальше.

Условный руководитель называет сотрудника ненадёжным. Возможно, были реальные нарушения договорённостей. Но если название начинает предсказывать любое будущее действие, оно уже выполняет больше работы, чем позволяют факты. Опоздание замечается как подтверждение, выполненная задача — как случайное исключение. Человек постепенно исчезает за характеристикой.

Это наше современное применение различения, а не приписанная Ибн Араби теория организационного поведения. Оно показывает цену привычки путать полезное понятие с полным владением предметом. Чем существеннее предмет, тем легче такая ошибка маскируется серьёзностью слов.

Можно решить, что выход состоит в молчании и отказе от всех определений. Но тогда исчезнут также основания ответственности. Нельзя обсуждать обещание, вред, заботу или справедливость, если никакое слово не удерживает различия. Ограниченность понятия не делает понятие бесполезным.

Признать ограниченность описания — не значит запретить всякую определённую оценку. В нашем примере с сотрудником можно отдельно назвать невыполненную договорённость и отказаться от вывода, будто этим уже объяснён весь человек. Первое суждение проверяется по сроку, условиям и сделанному; второе приписывает устойчивый характер значительно шире доступного эпизода. Когда сотрудник возражает против ярлыка, это тоже ещё не отменяет вопроса о договорённости. Участники могут убрать из разговора исчерпывающий портрет, сохранив необходимость исправить конкретное нарушение. Так ограниченность имени становится условием более точной ответственности, а не средством от неё уйти. Это наш этический разбор современной сцены: он поясняет различие понятия и полного знания, но не устанавливает содержание божественных имён по образцу рабочих отношений.

Нужна другая дисциплина: пользоваться именем в пределах его объяснительной работы. Что позволяет сказать именно этот термин? Какое наблюдение его поддерживает? Что осталось за пределами? Возможен ли иной угол, который не отменяет первого, но меняет картину?

В религиозном чтении это дисциплина по отношению к божественному. В нашем повседневном рассуждении — по отношению к человеку и ситуации. Они не тождественны. Но в обоих случаях слово может служить вниманию либо подменять его. Различие видно по тому, становится ли после названия возможным следующий вопрос.

V. Сердце, способное принимать форму

Сердце у Ибн Араби нельзя переводить только как эмоцию. Стивен Хиртенстайн в исследовании символики сердца и Каабы рассматривает его как место познания и восприимчивости. Важно, что образ соединён с религиозной дисциплиной, а не с правилом «всё, что я чувствую, истинно». Восприимчивость здесь требует преобразования воспринимающего.

Для современного читателя трудность очевидна. Мы хотим различать открытость и внушаемость. Человек может услышать чужую речь внимательнее, но может также отказаться от проверки, потому что переживание кажется глубоким. Сила впечатления не даёт готового критерия истины.

Полезно поставить два вопроса рядом. Способен ли я допустить то, что не помещается в прежнюю картину? И способен ли я проверить новое, не объявляя его истинным только за новизну? Первый вопрос защищает от закрытости, второй — от произвола. Если оставить один, открытость станет либо декоративной, либо бесконтрольной.

В условном споре человек заранее знает, что оппонент объясняет всё корыстью. Тот внезапно говорит о долге перед умершим учителем. Можно немедленно перевести эту реплику обратно в корысть: «Ты просто хочешь выглядеть хорошим». А можно признать, что объяснение пока неполно, уточнить смысл долга и затем исследовать последствия. Второй путь не требует заранее одобрить позицию оппонента. Он требует дать ей быть услышанной.

Именно это делает восприимчивость трудной. Она меняет положение слушателя: ему приходится временно отказаться от удобства законченного объяснения. При этом он сохраняет право обнаружить противоречие, потребовать основания или не согласиться.

Когда подобный современный пример сопоставляют с мистическим сердцем, нужно удержать границу. У Ибн Араби речь идёт о познании в отношениях с божественным. В разговоре о человеческом споре мы обсуждаем работу внимания. Из сходства задачи не

следует одинаковость предмета и не появляется доказательство духовного статуса слушателя.

Образ сердца ценен здесь тем, что не позволяет считать познание чистым накоплением сведений. Знать больше иногда означает стать менее уверенным в собственном праве заранее назначить миру форму.

VI. Любовь не превращает религии в одинаковые тексты

Знаменитые стихи Ибн Араби о сердце, принимающем разные формы, часто читают как декларацию взаимозаменяемости всех религий. На странице поэзии Ибн Араби текст указан как одиннадцатое стихотворение «Тарджуман аль-ашвак» в переводе Майкла Селлса. Это точный литературный контекст: перед нами поэтический голос, а не краткая сравнительная таблица религиозных доктрин.

Стихотворение может расширять способ видеть чужую форму веры. Но оно не доказывает, что разные традиции одинаково понимают Бога, человека, спасение и познание. Чтобы сделать такое утверждение, пришлось бы исследовать сами традиции и показать, как разрешаются реальные противоречия. Красота образа не выполняет эту работу вместо читателя.

Есть и другая ошибка: будто уважение возможно только после обнаружения тайного совпадения. Тогда чужой взгляд получает достоинство лишь при условии, что его удастся перевести в наш. Если перевод не получается, уважение исчезает. Такая открытость содержит скрытое требование подчинения.

В условном разговоре один человек верит в личного Бога, другой не считает этот вопрос разрешённым. Они могут одинаково серьёзно относиться к обещанию помочь заболевшему соседу. Это сходство действия заслуживает внимания. Однако оно не снимает расхождения в убеждениях. Им не нужно предварительно согласовать метафизику, чтобы вместе выполнить обещанное.

И наоборот: общие религиозные слова не гарантируют одинакового поведения. Человек может говорить о милости и жестоко обращаться с тем, кто от него зависит. Другой может избегать возвышенного словаря и терпеливо делать трудную работу. Это наше наблюдение о различии речи и действия, а не попытка решить вопрос о подлинной вере этих людей.

Любовь поэтому лучше рассматривать как требование к способу отношения, а не как средство закрыть все вопросы знания. Она может заставить внимательнее слушать и отказаться от презрения. Но конкретное утверждение всё ещё нуждается в основаниях, а конкретный поступок — в оценке последствий.

Читатель получает более требовательную возможность: признать значение чужого опыта без присвоения его себе. Не объявлять «это то же самое», когда различие ещё не понято. Иногда точная дистанция оказывается уважительнее поспешного слияния.

VII. Единство не даёт права объяснять чужое страдание

Наиболее серьёзная проверка всякой мысли о единстве возникает перед страданием. Если существует всеобъемлющее основание, легко сказать, что боль «тоже нужна» или что человек должен увидеть её духовный смысл. Однако объяснение, произнесённое со стороны, может отнять голос у того, кто страдает.

Джеймс Моррис в исследовании страдания и сострадания у Ибн Араби подчёркивает необходимость читать рассеянные места сочинения в их контексте. Его разбор не даёт короткой универсальной причины каждого несчастья. Уже это важно: сложная духовная педагогика не сводится к формуле, которую можно приложить к незнакомой жизни.

В условной ситуации человек пережил предательство и слышит: «Всё едино, поэтому не стоит разделять себя и обидчика». Такой ответ смешивает разные вопросы. Можно размышлять о связи людей и одновременно признавать конкретный вред. Можно не желать мести и одновременно прекратить опасное взаимодействие. Можно искать смысл случившегося, не утверждая, что случившееся было необходимым или правильным.

Признание границы не обязательно выражает ненависть. Иногда это точное различение возможностей: я способен говорить, но пока не способен доверять; я могу выслушать извинение, но не готов восстановить прежние отношения. Вопрос о единстве бытия не назначает за человека ответ на эти предложения.

Возражение может звучать так: осторожность обедняет духовную мысль, оставляя лишь общую вежливость. Но осторожность здесь защищает именно её серьёзность. Если метафизика становится инструментом давления, она перестаёт быть исследованием и превращается в способ распоряжаться чужим опытом.

То же относится к роли наставника. Из заявления о более глубоком видении не следует право отменять согласие, требования безопасности или ответственность за поступки. Духовный авторитет не проверяется одной убедительностью речи. Его действия существуют в общем человеческом мире, где затронуты другие люди.

В антологии переводов Ибн Араби о духовной практике Моррис сохраняет связь внутренних состояний с поведением и религиозным контекстом. Мы не переносим оттуда конкретные предписания в современную жизнь. Но сам отказ отделять громкое утверждение от ответственности помогает заметить опасность духовных сокращений.

VIII. Что проясняется рядом с другими ответами о бытии

Сходный вопрос ещё не означает совпадающего ответа: сравнивать следует способы объяснения, а не только выразительные слова. Особенно легко принять всякое рассуждение о единстве за одно и то же учение, если заранее решить, что все различия принадлежат поверхности.

У Спинозы в первой части «Этики» конечные вещи рассматриваются через единственную субстанцию и её модусы; в теореме 18 Бог назван имманентной причиной. У Ибн Араби язык проявления связан с божественными именами и откровением. Это разные понятийные конструкции. Перенос слова «модус» в его тексты потребовал бы объяснить, почему оно подходит именно здесь. Иначе привычное европейское понятие незаметно заменит мысль, которую должно было пояснить. Даже сходство в отказе считать вещи абсолютно самостоятельными не доказывает общей теории Бога.

Фома Аквинский в вопросе об именах Бога предлагает ещё один путь: имя может относиться к Богу и творению по аналогии. Сходство помогает говорить, но не превращает конечное знание в обладание божественной сущностью. Рядом с размышлением Ибн Араби об именах это ставит точный вопрос: что позволяет человеческому слову указывать за пределы человеческого? Ответы принадлежат разным богословским системам. Аналогия Фомы не является объяснением всей акбарийской символики.

Наконец, SN 22.59 последовательно проверяет присвоение телесной формы и других совокупностей как неизменного Я. Такой ход тоже ограничивает самодовольное владение собой. Но сутта не выводит из этого единого божественного основания. Если прочесть её как скрытое согласие с Ибн Араби, мы уберём как раз ту часть буддийского рассуждения, которая делает сравнение интересным.

Воображаемый собеседник из начала статьи поэтому вправе спросить не только «что нас связывает?», но и «каким доводом вы это объясняете?». При одинаковом переживании зависимости один ответ может быть теологическим, другой — субстанциальным, третий — направленным на прекращение присвоения. Различение не разрушает диалог. Оно даёт ему предмет: можно обсуждать основание, язык и практическое следствие отдельно, вместо того чтобы обмениваться признаниями заранее объявленного единства.

IX. Многообразие, которое не нужно торопиться отменять

Ибн Араби ставит перед читателем трудный вопрос: можно ли мыслить единое основание, не обедняя множество? Ответ нельзя получить, заменив все существующие вещи словом «единое». Такое сокращение экономит речь, но теряет предмет мысли.

Зависимость творения, язык проявлений, божественные имена и восприимчивость сердца относятся к определённой религиозной картине мира. У неё есть история, внутренние споры и способы чтения. Она не становится научной теорией из-за сходства с разговором о системах и связях. Она также не превращается в современную психологию из-за того, что затрагивает внимание и отношения.

Но историческая дистанция не делает разговор бесполезным. Мы постоянно решаем, где видеть самостоятельную вещь, где — связь, где — ограниченное описание, а где — якобы окончательную истину. Эти решения влияют на то, кого мы слушаем, кому приписываем заслуги и чью боль готовы заметить.

Вернёмся к исходному условному диалогу. Поправлять слова можно ради господства: чтобы другого лишить права говорить. А можно ради точности: чтобы не отменить различия, от которых зависит смысл его речи. Внешне это иногда выглядит похоже, но последствия расходятся. В одном случае голос сужается, в другом получает возможность быть услышанным яснее.

Чтение Ибн Араби не выдаёт автоматического удостоверения такой точности. Напротив, оно оставляет неудобную проверку самому читателю. Когда я говорю о единстве, становлюсь ли я внимательнее к конкретному существу? Или мне теперь легче пройти мимо, потому что различия объявлены несущественными?

Если после большой мысли требуется больше внимательности, она остаётся живым вопросом. Если требуется только повторять формулу, исследование уже завершилось раньше понимания. Многообразие проявлений тогда напоминает: то, что связано с целым, всё ещё заслуживает отдельного взгляда.

Что это значит на практике

Практический смысл чтения не обязан состоять в принятии всей метафизики. Для начала можно исследовать одно собственное утверждение о человеке или ситуации. Эта предлагаемая нами работа не является суфийским упражнением и не обещает особого состояния сознания.

Допустим, человек говорит: «Я всё сделал сам». У утверждения есть реальная основа: он работал, принимал решения, выдерживал трудности. Первое действие — сохранить эту

основу, не обесценивать усилие. Второе — назвать условия, без которых оно не могло бы состояться. Третье — посмотреть, меняет ли это отношение к другим участникам: не требуется ли признать вклад, вернуть долг, разделить заслугу или уточнить будущие обязательства.

В другом случае фраза звучит так: «Мы одно целое». Её можно проверить не по красоте, а по последствиям. Позволяет ли она двум людям иметь разные потребности? Можно ли сказать «нет» без обвинения в разрушении единства? Кто решает, какое различие допустимо? Если один голос получает право определять оба, слово «целое» скрывает не связь, а власть.

Полезен и вопрос о названии. Выберите характеристику, которую вы часто используете: «слабый», «духовный», «сложный», «разумный». Какие наблюдения она соединяет? Какие стирает? Может ли человек совершить поступок, после которого характеристика изменится? Если нет, возможно, это уже не описание, а замкнутая система защиты от нового знания.

Следующий шаг — различить открытость и согласие. Вы можете пересказать чужую позицию так, чтобы её носитель узнал собственную мысль, и затем не согласиться с ней. Это полезная проверка: мы иногда спорим с таким удобным пересказом оппонента, что настоящий человек в споре больше не участвует.

Наконец, рассмотрите предел самой аналогии. Общий источник света и разные отражения помогают вообразить связь, но не объясняют автоматически устройство мира. Различие формы и основания помогает думать, но не даёт готового решения семейного конфликта. Для действия потребуются сведения, договорённости, ресурсы и проверка последствий.

Допустим, семья обсуждает переезд и повторяет: «Нам нужно единое решение». Иногда за этой фразой стоит разумная необходимость согласовать общий быт. Но единое решение не означает одинаковой цены для каждого. Один получает интересную работу, другой теряет привычное окружение, третий должен изменить обучение. Если различия не названы, согласие будет выглядеть полным лишь на бумаге. Здесь вопрос о единстве полезен как проверка полноты разговора: чьи условия включены, чьи пока представлены только чужим пересказом?

Следующее действие может быть очень небольшим. Вместо общего требования «поддержи нас» участники формулируют конкретные ожидания, сроки и способы помощи. Один соглашается на переезд, но просит сохранить возможность возвращения; другой берёт на себя поиск работы для партнёра. Такие договорённости не доказывают никакой метафизики. Они показывают, что общее дело может стать реальнее после признания отдельных потребностей.

Наконец, стоит различить интеллектуальное удовольствие и изменение отношения. Можно долго обсуждать единство мира и всё же не заметить, что собеседнику неудобно продолжать разговор. Можно почти ничего не знать о мистических текстах и внимательно спросить о его состоянии. Чтение не обесценивается этим сравнением. Оно получает дополнительную меру: какие различия стали заметны после него и что мы готовы изменить в собственной речи. Не обязательно искать большое преобразование; иногда достаточно перестать приписывать другому чувство, о котором он не говорил.

Такое чтение способно изменить одну привычку: перестать выбирать между грубым разделением и грубым слиянием. Иногда связь становится точнее, когда различия названы. Иногда единство оказывается убедительнее, когда перестаёт требовать молчания от отдельных голосов.

Ключевая цитата

> *«Я исповедую религию любви.»*
>
> *Ибн Араби, Tarjumān al-ashwāq, стихотворение 11; английский перевод Michael A. Sells. Русский перевод автора статьи с английского. Поэтическое исповедание не заменяет различий между учениями и обязанностями.*

Связи между традициями

Это наши аналитические сопоставления. Историческое влияние не утверждается там, где для него не приведено свидетельство.

Предмет	Позиции и опоры	Что позволяет сравнить	Где проходит граница
Зависимое существование	Ибн Араби в чтении Суад Хаким — Фома, I q.2 a.3	Конечное не обеспечивает собственное бытие.	Третий путь Фомы и язык проявления Ибн Араби имеют разные построение и богословский контекст.
Единство и различие	Ибн Араби: имена и проявления — Спиноза, Этика I, 15 и 18	Множество не читается как собрание абсолютно независимых вещей.	Субстанция и модусы Спинозы не равны всей акбарийской системе имён и откровения; влияние не утверждается.

Предмет	Позиции и опоры	Что позволяет сравнить	Где проходит граница
Пределы имени	Ибн Араби: имена — Фома, I q.13 a.5	Слово о Боге требует объяснить отношение человеческого смысла к божественному.	Аналогия у Фомы не делает одинаковыми сущности и не заменяет учение Ибн Араби.
Неполнота представления	Кунави: единое вуджуд — Псевдо-Дионисий, I.1–2	Высшее основание не исчерпывается привычным представлением.	Апофатическое обращение Дионисия тринитарно; исламская мысль Кунави не является его пересказом.
Восприимчивость и неприсвоение	Ибн Араби: сердце — SN 22.59	Изменчивый опыт не следует поспешно заключать в одну исчерпывающую форму.	Это сопоставление задач внимания: учение о восприимчивом сердце не совпадает с буддийской проверкой совокупностей, которая не утверждает единого божественного субстрата.
Действие и условия	Ибн Араби: зависимость — Эпиктет, §1–2	Признание условий может ограничивать притязание на полное владение жизнью.	Стоический критерий зависящего от нас — практическое различение, не тезис о единстве бытия.

Первоисточники

Первичные тексты, нормативные документы и исследовательские комментарии различены в подписях. Название раздела не делает справочное исследование первоисточником.

1. Bakri Aladdin. Oneness of Being: The Term and the Doctrine. История обозначения и позднейшей полемики.

2. Souad Hakim. Unity of Being in Ibn Arabi. Различие безусловного бытия и зависимого существования творений.

3. William C. Chittick. Qunawi on the One Wujud. Перевод и исследование текста Кунави; развитие школы.

4. William C. Chittick. Ibn ʻArabī. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Контекст творчества и различение сущности, имён и отношений.

5. Stephen Hirtenstein. The Mystic's Kaaba: Wisdom of the Heart. Сердце как место познания и восприимчивости.

6. Ibn ʻArabi. Selected Poems, в том числе стихотворение 11 «Тарджуман аль-ашвак», перевод Michael A. Sells. Литературный контекст образа принимающего формы сердца.

7. James W. Morris. Suffering, Compassion and Atonement. Контекст чтения духовных тем и границы краткого объяснения страдания.

8. Ibn ʻArabi / James W. Morris. Translations: Spiritual Practice. Прочитаны отдельные места антологии; полное чтение всех сочинений автора не предполагается.

9. **Спиноза. Этика, I, определения III–V и теоремы 15, 18, 29; английский перевод R. H. M. Elwes. Первичный текст: субстанция, модусы, имманентная причина и необходимость.** Текст и использованное место.

10. **Фома Аквинский. Сумма теологии, I, q.2, a.3, третий путь. Первичный текст: возможное и необходимое; англоязычное издание New Advent.** Текст и использованное место.

11. **Фома Аквинский. Сумма теологии, I, q.13, a.5. Первичный текст: аналогическое употребление имён Бога и творения.** Текст и использованное место.

12. **Псевдо-Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие, I.1–2; английский перевод John Parker, 1897. Первичный текст: апофатическое обращение к Богу в тринитарном контексте.** Текст и использованное место.

13. **SN 22.59, Pañcavaggi / Anattalakkhaṇa Sutta; перевод Thanissaro Bhikkhu. Первичный буддийский текст: непостоянство пяти совокупностей и их неприсвоение как Я.** Текст и использованное место.

14. **Эпиктет. Энхиридион, §1–2; английский перевод Elizabeth Carter. Первичный текст: различение зависящего и не зависящего от нас.** Текст и использованное место.

Теги

Ибн Араби, исламская философия, суфизм, тасаввуф, вахдат аль-вуджуд, вуджуд, бытие, существование, единство, многообразие, проявление, божественные имена, сердце, любовь, откровение, метафизика, Кунави, зависимость, самостоятельность, познание, интерпретация, поэзия, апофатика, аналогия, Фома Аквинский, Спиноза, буддизм, неприсвоение, ответственность, границы

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.